Радек

КРУШЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН161
К896г

Украинская Социалистическая Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН 161
К 896

К. РАДЕК.

КРУШЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И ЗАДАЧИ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО КЛАССА.

(Доклад, прочитанный в октябре 1918 г. в Московском Советском театре).

Цена 80 к.

1 экз

ИЗДАНИЕ
Украинского Центрального Агентства по распространению и распределению литературы.
1919.

ЕН161
К896₂

С 93
9383
5012 с.1
298
38
1058787

Типография „И. И. Чоколов“, Б.-Житомирская, № 20.

Крушение германского империализма и задачи международного рабочего класса.

(Доклад, прочитанный в октябре 1918 г. в Московском Советском театре).

Когда в августе 1914 года грянул гром войны, мы с испугом увидели перед собой зрелище невиданное, — зрелище, которого не ожидал никто из социалистов. Рабочие всех стран пошли на войну,— на войну, о которой знали, что она ведется за интересы капитала, на войну, которую предсказывал Интернационал на всех своих последних конгрессах, на войну, которую он характеризовал, как войну хищническую, войну за интересы капитала, войну против народов. Международное братство народов оказалось ничем — Интернационал рухнул. И у того, кому приходилось тогда видеть, как рабочие Германии, передовой отряд Интернационала, шли на войну, у него, будь он самым убежденным представителем Интернационализма, зарождалась мысль, не являлось ли все то, что мы говорили о международном братстве пролетариата, сном или мечтой, ибо германские рабочие шли на эту войну без всякого сопротивления, они шли с песнями, как опьяненные, они шли с криками о победе. Не подлежит ни малейшему сомнению, что мы имели здесь на-лицо проявление глубоких исторических процессов, понимание которых наметилось перед этим только в небольшом кругу социалистов.

Мощь империализма и крушение Интернационала.

Мы видели в эти дни полное торжество империализма, созревавшее в эпоху 90-х годов, эпоху 2-го Интернационала. Это торжество обратило международную социал-демократию 2-го Интернационала в ничтожную игрушку, которую сапог истории отбросил в решительный момент. И теперь, когда мы стоим перед крушением германского империализма, во всяком случае накануне германской и австрийской революции, нам надо в первую очередь остановиться на причинах мощи германского империализма,—остановиться, поскольку эта мощь проявилась в эти дни,—и на причинах падения, позорного крушения 2-го Интернационала. 2-й Интернационал и современный империализм — дети одной эпохи. 2-й Интернационал был основан именно благодаря тому, что международный капитализм сильно развился за последнее десятилетие XIX столетия и создал в рабочих классах всех стран чувство солидарности интересов. Вот на этой почве капиталистического процесса, который во всех странах, с одной стороны, обострял противоречия между рабочим классом и капиталом, а с другой—соединял в один организм все капиталистические страны, и возрос 2-й Интернационал. Но это же капиталистическое развитие, создавшее 2-й Интернационал, одновременно создало высшую форму капитализма—современный империализм. Первое проявление этого современного империализма—это война между Американскими Соединенными Штатами и Испанией, затем следует война англо-бурская, война между Россией и Японией, кризисы турецкой, персидской, китайской революций и, наконец, кризис балканский перед международной войной. Все эти явления указывали, в каком направлении развивается капитализм. Но большинство рабочего класса не понимало значения этих явлений. Социалистическая агитация рассматривала империализм, как дело рук небольшой клики капиталистов, военных поставщиков, капиталистических династий, и хотя социалистическая теория и указывала на глубокие корни современного империализма,—в сознании народных масс этот

империализм не был тем, чем он являлся на самом деле,—самым серьезным врагом рабочего класса. Современный империализм не есть политика узкого круга капиталистов, как это имело место с политикой торгового капитала XVII—XVIII столетия. Современный империализм—это детище современной металлургической индустрии, великих трестов и картелей, для которых недостаточно внутреннего рынка, которые стремятся через моря, горы и долы в чужие страны, в страны капиталистически неразвитые, дабы там за счет народных масс, как собственной страны, так и стран капиталистически неразвитих, строить железные дороги и гавани, дабы строить на их счет корабли, при помощи которых металлургический капитал защищает свою добычу. Но металлургический капитал, который с 90-х годов приобрел первенство по отношению к текстильному капиталу,—этому продукту раннего капитализма,—с каждым годом имеет все больше рабочих в своих руках, он захватывает с каждым годом все большие капиталы и является первой и главной отраслью современного капитализма. С ним связан капитал угольный и все отрасли промышленности, идущие за ним, когда он строит в далеких странах железные дороги, гавани и города. Мало того, товарищи. Если одним из источников современного империализма является стремление финансового капитала, в руках которого находится именно металлургическая индустрия, к тому, чтобы путем порабощения стран капиталистически неразвитых, путем создания в них средств производства и транспорта взять в свои руки новый мир,—мир, который капитал только хочет развить,—то в то же время для всех других отраслей промышленности это стремление имеет еще другое значение. Везде в мире идет теперь борьба за источники сырья, и даже те отрасли современного капитала, которые могут развиваться старым методом,—методом свободной торговли,—нуждаются в сырье. Поэтому они и поддерживают металлургический капитал в его стремлении захватывать новые страны в целях получения из этих стран необходимого сырья. Современный империализм являлся политикой всего капитализма, был во всяком случае его решающим элементом. Но

он был более, нежели экономическая политика, он был религией современного капитала. Когда капитализм появился на арене истории, он принес с собой общие принципы устроения человечества. И если вы теперь будете перелистывать классическое произведение молодого капитализма, книгу „Достояние народов“ Адама Смита, то вы там увидите глубокую веру этого капитализма в то, что он несет миру мир и человечеству—свободу развития и всеобщее спасение. Ад. Смит указывает с гордостью, что батраку XIX-го столетия живется не хуже, чем королю XII. Молодой капитал полагал, что он несет успокоение, свободу и возможность развития. Но вскоре наступили „сумерки богов“ раннего капитализма. Идеология его, являвшаяся идеологией либерализма, разлагалась, и либерализм уже в 50-х годах принужден был стать лицом к лицу и посмотреть в глаза новому миру нарождающегося социализма и рабочего движения, новой религии человечества, он должен был пройти через огонь социалистической критики, которая убивала в нем самом веру в то, что он несет с собой новый порядок. И вот в это-то время упадка идеалов и верований буржуазии явился империализм. Вместе с ним появились мощные отряды капитала, которые проникают в далекие страны и заносят туда железо, электричество, созидают и призывают к жизни новые продуктивные силы. Стремление к такому созиданию делается религией буржуазии.

Буржуазия, которая более не может верить в выполнение своих задач у себя дома, перемещает их в далекие страны, и, когда вы будете читать произведения империалистской литературы, вы на первом месте увидите там верование, что империализм, который здесь в Европе уже сделал свое дело, дело капиталистической культуры, имеет теперь новую миссию—идти в другие страны, идти к спящим народам, разбудить их энергию, понудить их взяться за работу с топором в руках, при помощи электричества внедряться в землю, создавать новый мир. Когда вы будете читать биографии великих полководцев современного капитализма, пионеров империализма, биографии Сесиля Родса, Дж. Чемберлэна, биографию германского пионера империа-

лизма недавно умершего Карла Петерса, то вы увидите, какая глубокая вера воодушевляет этих людей. Они убеждены, что они новый Мессия, что они призваны дать новую мысль, новое слово старому умирающему миру. И в то же время в них живет глубокое презрение к рабочему движению. Им кажется, что рабочее движение, социализм, это— стремление к дележу того, что уже есть, тогда как империализм своей задачей ставит создание нового мира. И именно благодаря тому факту, что империализм был стремлением широкого капиталистического фронта, главной мыслью больших капиталистических кругов, руководящих кругов, религия империализма сделалась религией всей буржуазии. Здесь сыграла роль, кроме того, внутренняя борьба между рабочим классом и капиталистами. Мелкая буржуазия, которую большой капитал сбросил с престола, сделалась служебным классом, лакеем империализма, лакеем крупной буржуазии, и она больше, чем крупный капитал, ненавидела рабочих. Если большие капиталы и тресты делали мелкую и среднюю буржуазию своими прислужниками, зависевшими от них, то рабочие при помощи профессиональной борьбы, профессиональных союзов и социального законодательства, ими завоеванного, спихнули эту мелкую буржуазию еще ниже. И эта борьба между рабочими и средней и мелкой буржуазией, она-то и создала у этой буржуазии, интересы которой совсем не требуют идти на завоевание Азии или Китая,— веру в насилие. Ибо то правительство, которое строило большие суда, чтобы послать их для покорения боксеров, для борьбы с бурами, оно в то же время, теми же самыми органами насилия, покоряло рабочих и принуждало их к повиновению. И поэтому весь тот мелкий промышленный класс, который, может-быть, задумался бы над тем, что империализм стóит весьма дорого, что он удорожает жизнь, затрудняет борьбу для средних капиталистов,—видел, с другой стороны, в этом империализме единственную силу, при помощи которой можно было импонировать рабочим, задерживать их движение вперед и, в случае надобности, сокрушать их. Таким образом во всех капиталистических государствах империализм являлся политикой господствующих

классов, политикой буржуазии в ее целом. И все те социалисты, которые в целях популярности, для того, чтобы облегчить свою агитацию, представляли империализм как политику только королей, династий, отдельных капиталистов, все они совершали не только теоретическую ошибку, но и преступление перед рабочим классом, ибо они уменьшали в его глазах грядущую опасность международной войны. Весь Интернационал теоретически признавал грандиозную опасность империализма. На конгрессах выносились резолюции, в которых призывали рабочих к борьбе с империализмом, но всякий, кому приходилось при непрерывной работе в рядах социалистических партий Запада выдвигать вопросы империализма и указывать ежедневно на их неслыханную важность для рабочего класса, наталкивался на сопротивление, слова его встречались с недоверием. В германской социал-демократии за последние 5 лет перед войной шла ожесточенная борьба внутри самого радикального и революционного направления партии, борьба, сосредоточившаяся именно на вопросе об империализме. С одной стороны, стояла маленькая горсть так-называемых левых радикалов, которые указывали на неслыханную опасность, доказывали, что надо мобилизовать рабочие массы для непосредственной агитационной борьбы против империализма, заявляли, что парламентскими средствами нельзя опутать, нельзя взять в руки этого мощного зверя, что его надо взять в железные цепи, и взять его может только рабочий класс. Другое направление возглавлял Карл Каутский, теоретик 2-го Интернационала. Это направление утверждало, что, с одной стороны, существуют, понятно, сильные империалистские стремления, но с другой — среди буржуазии есть сильное течение за мир, направленное против империализма, и что не массовая агитация, а сотрудничество с этим течением, конкретно говоря, с либералами, является наилучшим средством преодоления империализма, — преодоления при помощи пацифизма и международных договоров о мире и разоружении. Левые радикалы оказались маленькой горсточкой, они сумели лишь подготовить ту идеологию, которая теперь проводится в Интернационале и является ныне

господствующей, но они не сумели впушить рабочим массам представление о неслыханных опасностях, им угрожающих. Глубокие причины этого явления скрывались в самой жизни рабочих масс. Рабочие перед воїной думали, умели мыслить в наилучшем случае только в рамках своего ежедневного бытия. Они были прикованы цепями капитала, они работали на фабриках до изнеможения и, когда после 10—11-часовой работы приходили домой, то думали лишь о том, как бы устроить потребительскую лавку, кого бы выбрать в городскую думу, дабы при ея помощи лучше поставить жилищный вопрос. Они думали в лучшем случае о том, что придут выборы и что надо будет подать выборный листок для того, чтобы в парламент вошли социалисты, которые будут бороться против новых податей и увеличения империализма. Рабочиї не был в состоянии, находясь в рамках повседневности во власти своеї фабрики, окинуть взглядом весь мир и узреть грядущую опасность. Он не мог даже в своем воображении представить эти миллионы людей, сражающихся на мировой арене. Когда нам приходилось работать в Германии и затрагивать вопросы империализма, то мы наталкивались на этот узкиї географически кругозор. И когда мы говорили рабочим Германии, что вам, быть-может, придется сражаться за Багдадскую железную дорогу у Багдада, то они смеялись, так как их скудное воображение людей, прикрепленных к месту, не могло вместить представления о том, что придет мощный капитал и погонит их в широкиї мир, через реки и моря, погонит их на Тигр и Евфрат, о которых они знали только из Библии. Рабочиї класс должен был пройти через огонь международной бойни, провести свои эшелоны через всю Европу, сражаясь сегодня у Северного моря, завтра у Евфрата, послезавтра в Финляндии, дабы он понял призыв Джорджа Чемберлэна, вождя английского империализма, буржуазии Англии и континента: „Думайте обо всем мире в мировом масштабе“. Рабочиї класс не мог уверовать, на основании только теоретической пропаганды и агитации, в грандиозную опасность, которая ему угрожала. И эта его прикрепленность к земле усиливала 2-й Интернационал, созданный в эпоху мирного,

по его мнению, капитализма, ибо тогда войны шли только на окраинах капиталистического мира, и международный капитал лишь подготовлял международную войну. Интернационал — это старое революционное учение Маркса—был превращен в учение о ближайшем этапе, о том, что надо сегодня делать, что надо делать завтра, и он был неспособен внести в рабочее движение размах. Интернационал был до самых корней испорчен оппортунизмом,—направлением, которое считало задачей рабочего бороться за 5-копеечное повышение платы, за сокращение рабочего дня на полчаса, но которое считало романтизмом и фантазией изложение перед рабочим классом великих мировых революционных задач. И поэтому международный пролетариат не был в состоянии стать с оружием на-готове, когда грянул гром войны. Он был связан по рукам и ногам своей собственной идеологией легальности, — идеологией, которая ему указывала, что борьбу надо вести только в легальных формах и только за ближайшие задачи пролетариата, и которая подрывала веру в свои собственные силы. И это сказалось яснее всего в истории германской социал-демократии в тот момент, когда русские революционные рабочие массы вложили новую душу в рабочие массы Германии, и их передовые отряды начали стремиться к всеобщей забастовке, к борьбе революционными средствами, и когда тот же марксизм в большинстве его представителей удерживал их от этого. Марксизм из теории активности, из теории борьбы сделался теориею, указывавшей рабочим, что не надо совершать прыжков, ибо и капитализм не прыгает, а развивается медленно. Такова была история марксизма в эпоху 2-го Интернационала,—он не занимался только одним, не занимался той глубокой работой, которую совершил сам капитализм. В тот момент, когда эти марксисты утешали себя тем, что уже столько лет не было международной войны, что ведь капитализм сам рискует в случае войны потерею своих больших ценностей, разрушаемых войной, они не понимали, что капитализм в своем развитии никогда не руководствовался логическими аргументами, что политика капитала всегда была политикой исторической необходимости, которая толкала

буржуазию вперед, несмотря на опасности, точно так же, как будет и была всегда революционной политика пролетариата, тоже стихийная, тоже являющаяся результатом столкновения великих сил. В то время, когда марксисты и 2-й Интернационал успокаивали рабочий класс, или старались его заговорить шумихой фраз, за которыми не было никакой воли к действию, воли к борьбе, империализм со своей стороны делал свое дело,—этим делом было приготовление к великой международной войне, к войне, подобной которой не видело человечество со времен Наполеона I. Капиталистическое развитие последних 40 лет имело в результате создание в средине Европы капиталистических гигантов. Германия, представители которой еще 60 лет тому назад,—как на это указывает Фридрих Энгельс в своей работе „О создании современной Германии“,—со шляпой в руках стояли в передних английских капиталистов, Германия,—о чем вы можете составить очень ясное представление по работам германского писателя Маркса Эйта, который сам, как молодой инженер, наблюдал этот процесс,—в продолжение последних 40 лет сделалась первенствующей капиталистической державой Европы. Она создала громадную железную и угольную промышленность на Рейне, в Вестфалии, в Силезии, гигантскую металлургическую промышленность, равную которой видели только Соединенные Штаты Северной Америки. Она развилась скорее, чем Англия, эта старая капиталистическая держава, ибо именно потому, что Германия была молода, что в ней крупная промышленность создалась только после 71-го года, она сумела применить все новейшие методы производства. Она создала специальные науки, великие технические науки, стоящие выше соответственных отраслей науки в Англии. Она применила научные методы для развития промышленности и в 90-х годах она вдруг увидела, что для нее черезчур узок ее внутренний германский рынок. Понятно, если бы германская промышленность хотела довольствоваться обыкновенными барышами, она могла бы конкурировать своими хорошими изделиями, своей мануфактурой, своими моталлургическими произведениями на всех рынках в старых капиталистических странах, но гер-

манские капиталисты видели с завистью, как английские капиталисты в Южной Африке захватывают с каждым годом все новые территории, как они там создают из ничего новые города, как они перебрасывают через водопады грандиозные мосты, по которым проходят рельсовые пути, задаваясь мыслью соединить Кап с Каиром; они видели, как на этих предприятиях английский капитал собирает сверхприбыль, как его промышленность получает громаднейшие барыши; они видели развитие Калифорнских золотых промыслов, видели начало экономического развития Китая. Видя все это, они задумались о том, что мир уже разделен, и тогда представители мощного германского капитала сказали себе: „Мир уже разделен, хорошо, я его еще раз разделю, разделю для себя". Германский капитал начал строить мощный флот, начал строить Великий канал, соединяющий Киль с Вильгельмсгафеном, дабы флот был в состоянии пройти через Балтийское море на Северное германское море и броситься на Англию в тот момент, когда старый разбойник, старый всемирный пират ослабеет! Германский капитал смотрел на то, что делается с Турцией, видел этого больного человека, который обращался к капиталам всего мира за помощью. Для того, чтобы связать распадающийся турецкий дом железными спайками, султаны Турции нуждались в помощи европейского капитала. И вот тут-то перед германским капиталом предстала мысль, которая еще в 90-х годах выдвигалась великим теоретиком германского империализма Фр. Листом, —мысль о том, чтобы построить великую железную дорогу от Константинополя до Багдада, железную дорогу, на которой германский империализм мог заработать миллиарды, но которая одновременно имела более важную задачу: она должна была помочь ему превратить пустыню Месопотамскую в обширные поля, на которых будет произрастать хлопок, столь необходимый германским капиталистам, ибо они покупали его до этих пор в Америке и должны были платить таким образом дань американским биржевикам. Германский капитал уже видел перед собой тот день, когда германские эшелоны пойдут по этой железной дороге в глубь, к Индийскому Океану, пройдут в Персию; как они создадут

там новую большую „Империум Германикум“, германское владычество в мире, которое может помериться силами с детищем англо-саксонской расы, противопоставить себя ее неслыханно громадным владениям, этой красной черте, о которой говорит пророк английского империализма, Чемберлэн: „Когда бросаешь глаза на английскую карту, тогда видишь, что красная английская черта очерчивает весь мир, что она делает весь мир, всю Европу, всю Азию и Африку предметом английской эксплуатации, об'ектом английской политики“. Германский капитал видел, что великое Китайское государство, насчитывающее около 400 миллионов обитателей, уже не может отделяться китайской стеной от капиталистического мира. В 1895 г. Япония разбила своими пушками эту китайскую стену. Англичане протянули руки из своих старых владений у Кантона в глубь Китая; и у германских капиталистов тряслись руки от зависти и от желания поживиться и вырезать из этого громадного тела часть и для себя. Они использовали борьбу, происходившую между самыми сильными империалистскими государствами, между Англией и Россией, за Азию, они попытались использовать франко-английскую распрю за раздел Северной Африки и везде пытались сделать первый шаг, дабы за ним последовали дальнейшие. В корреспонденции кайзера Вильгельма к бывшему царю, находящейся вместе с другими реликвиями старой Европы в руках первого революционного правительства Европы, находятся характерные письма. Кайзер Вильгельм рассказывает в них, как он отправлялся в Иерусалим. Он говорит, что он отправлялся туда, как поломник: ведь он—христианин, он—верующий человек, а всякий верующий отправляется в Иерусалим, ибо это считается добродетелью перед Богом и людьми. Но когда кайзер Вильгельм пошел по следам этих православных верующих и отправился в Иерусалим, то весь мир закричал, что за этим кроются какие-то происки германской политики. И вот кайзер уверяет царя, что это неверно. Но в ближайшем будущем мы видим, что кайзер отправляется туда уже не по внушению своей религиозной совести, а что его начинает толкать туда Дейч-Банк. Дейч-Банк—большой германский банковый инсти-

тут, который сосредоточивает в своих руках большие германские капиталы. Во главе этого Дейч-Банка находятся хорошие хозяева. Эти хорошие хозяева—евреи, но интересы Дейч-Банка, толкавшие германского кайзера на Багдад, к сделке с Турцией,—эти интересы не менее сильно горели в сердце кайзера, чем его религиозные чувства. И мы видим в следующих письмах, как он убеждает царя уже не словами веры и не чувствами христианина.—Он говорит: „При помощи моих банков я построю железную дорогу в Турции, великолепную железную дорогу. По этой железной дороге ты сумеешь послать свои войска в Персию, если другая держава,—там никогда не говорится об Англии, а всегда о „другой державе“,—захочет тебе помешать“. Мы видим, как германский империализм ввергал и вверг германский народ в этот большой международный империалистический конфликт, который в 1914 г. превратился в международную войну. Когда идеологи франко-английского капитала говорят об этом могущественном росте германского империализма, они дают анализ чуть ли не марксистский. Они не верят ни в христианство кайзера Вильгельма, ни в какие-либо другие его чувства; они показывают, как во имя интересов молодого могущественного германского капитализма Германия начала протягивать свои руки по трем направлениям: через Турцию в Среднюю Азию, в Индийский Океан; от Киао-чао, занятого германцами в 1898 году,—в глубь Китая; и от германских колоний в Африке, дабы создать там центральную африканскую империю. И когда идеологи союзников изображают этот процесс роста германского капитализма, они кричат о германских разбойниках, кричат о том, что Германия создала эту войну. Но ведь Германия не воюет теперь с китайцами в первую очередь, не воюет с неграми, не воевала с турками,—война родилась потому, что на то блюдо, на которое посягала Германия, зарились также наши бывшие доблестные союзники, идеалисты первого ранга, которые никогда не крали, никогда не разбойничали, но набрали перед этим так много, что теперь уже не в силах брать. Ведь, это союзники,—и Англия в первую очередь,—создали империум, который держит в стальных руках весь мир. Ведь

грагизм германского империализма состоит именно в том, что этот молодой разбойник тогда пришел в мир со своим большим аппетитом, когда другие уже насытились, когда другие сидели и лежали как Фафнер в вагнеровском „Зигфриде“ и говорили: „Я сыт, ты меня не трогай“. С точки зрения империализма, то, что сделала Германия, не является исключением. Французский капитал, в десять раз менее сильный, чем германский, имеющий меньше жизненной энергии, нахватал в мире колоссальные колонии, которые не в силах был даже развивать, и если кто имеет право говорить о германском хищничестве, о развенчании политики германского империализма, то не те, которые могут его упрекать только в том, что он им заступает дорогу, из их рук хочет вырвать жирный кусок. Упрекать в этом разбойничестве германский империализм могут только те, кто отрицает вообще империалистскую политику, кто боролся с германским империализмом, только те, кто противопоставляет ему свободное развитие всех народов без хищничества, без эксплуатации, без притеснений, без рабства. Но когда теперь через всю союзническую печать хором проходит крик радости: „побеждает цивилизация, побеждает добродетель, побеждает демократия“, потому что старый разбойник сумел отогнать молодого разбойника от добычи,—то нам приходится сказать капиталистическому миру, что он—мир лицемерия, что он—мир, который мерит все двойной готентотской мерой, ибо он кричит о распятых на кресте тогда только, когда ему это полезно, и своих разбойников считает у себя дома народными героями. Давид Юм, великий философ молодого английского капитала, совершенно просто и ясно определил эту политику, когда он сказал: „То, что нам вредно, есть преступление“. То, что неприятно английскому капиталу, это есть преступление, то, что ему полезно, это есть добродетель. Но это философское определение добродетели и преступления, хотя оно дано великим философом, вряд ли основывается на ином критерии, нежели: приятно грабить, но неприятно быть ограбленным, особенно—когда имеешь туго набитый кошелек. И весь этот триумф союзнической прессы вызывает в нас не меньше отвращения,

чем крик германской прессы в годы ее победы о том, что Германия несет миру новое слово. Германия несла миру меч. Этот меч побеждал в продолжение первых трех лет.

Победа и поражение германского империализма.

Вы помните, товарищи, этот головокружительный взлет германского коршуна. Вы помните, как жертвой его пала маленькая Бельгия, капиталистов которой мы, наверное, не хотим идеализировать, за целомудренность которых, в смысле нейтральности, мы совсем не хотим ручаться. Но падение Бельгии вызвало глубокое сожаление в сердцах народных масс всех стран, ибо они видели маленький народ, через труп которого пытался перейти германский гренадер только потому, что этот маленький народ стал ему на пути к сокрушению другого великого народа — Франции. Вы видели, как германские войска уничтожили маленькую Сербию, как армии Кевеша и Макензена разбивают в пух и прах несчастных крестьян Сербии, как там, на Коссовом поле, как когда-то, в XII столетии, погибал цвет молодого сербского народа, как крестьяне, которых погнал старый разбойник Петр Карагеоргиевич сначала в 1912 г., затем в 1914 г., своими костьми устилали старое Коссово поле, связанное великими легендами с их народной историей. Многие думали, что там, где прошел конь германского империализма, не встанет живым ни один народ. Так думали, когда германцы уничтожили Румынию, в которой крестьян бросила в войну преступная клика бояр, помещиков, продажных людей, которые продавались той и другой стороне. Вы помните, как германские войска разбивали, словно орехи, одну французскую крепость за другой, вы помните этот мощный взлет германского коршуна, для которого, казалось, нет границ, ибо, когда он не сумел победить всех своих противников, то он думал о том, чтобы идти старым наполеоновским путем через Турцию в Египет и там вонзить свои когти в хребет английского империализма, своего главного противника, ибо он думал, что он пройдет сквозь тело России, даже

после заключения Брестского мира, на Кавказ, через Кавказ в Туркестан, дабы, наконец, победить Англию. Перед вашими глазами, товарищи, встает весь германский поход против России. Вы помните, как Германия уничтожала одну русскую армию за другой, как она гнала русских крестьян перед собой, как под Пржемышлем преступный болгарский проходимец Радко Дмитриев вместе с русскими генералами бросил 70 тыс. русских крестьян на подготовленные армии кайзера и оставил их мертвыми. Чем же побеждала Германия? Тем, что она была самым сильным, самым могущественным капиталистическим государством. Когда мы говорим, что эта война является войной империалистской, войной высоко развитого капитализма, то этим самым мы уже об'ясняем, почему побеждала Германия,—потому что капитализм в ней был наиболее развит. Современная война требует большого аппарата, точно работающего механизма, в котором связаны между собой все продукты мирового производства: продукты питания, аммуниция, железные дороги,— все это связано в одно целое, так что стоит только господам с погонами генерального штаба нажать на кнопку, как со всех сторон двигаются поезда со всякого рода продуктами производства в безбрежную даль, глотая пространства, двигаются колонны снаряжений продовольствия и людей. Но империалистская война еще и в другом смысле — война капиталистическая: империалистский аппарат может обслуживать только человек, который долго варился в котле капитализма. Уже тот факт, что этот аппарат требует неслыханно точной работы, работы согласованной минута в минуту, уже это показывает, что обслужить этот аппарат могут только люди, которые привыкли работать, как машины, за станком. В великой капиталистической конторе люди привыкли считаться с временем, и эту привычку и выучку дает только капитализм. Современное вооружение требует от людей, которые стоят за пушками, обслуживают пулеметы и винтовки, роют траншеи, работают, как монтеры,—стальных нервов. Русского крестьянина называли русские генералы еще во времена суворовских походов „серой скотинкой“. Они говорили: „он выне-

1058797 9393

сет все“ и даже рассказывают, что Фридрих Великий сказал, что в русского солдата нужно три раза выстрелить, пока он упадет. Но эта выносливость русского солдата, который шел по приказанию своих генералов как бесправный человек, привыкший слушаться начальства и всегда делать то, что начальство приказывает, оказалась недостаточным качеством для современной войны. Уже перед этой войной все военные писатели самого милитаристского умозрения, например, генерал Бернгарди, указывали, что современная война требует неслыханной самодеятельности в разведке, в стрельбе, в маршировке и во всяких работах. Этого всего не могла дать нашим крестьянам деревня. В деревне он работает так, как работали его отцы сотни лет, он не нуждается ни в каких новых приемах, он—хозяин на маленьком клочке земли, и это не воспитывает в нем достаточной умственной энергии и не дает ему стальных нервов. Когда крестьянский сын приезжает в город и попадает на фабрику, он бывает ошеломлен этой колоссальной работой. Фабричные гудки, работа станков, весь этот темп машин, электричество, вся эта работа—не для нервов крестьянина. Мы видим, товарищи, это лучше всего,когда славянский крестьянин и рабочий попадают в Америку. Мы видим, как он изнемогает сначала в борьбе с темпом работы на фабриках. Американские врачи знают даже специальную болезнь—нервный надрыв славянских крестьян, которые приезжают в Америку за работой. Если вы прочтете книгу Уптона Синклера о жизни переселенцев, работающих на американских фабриках, то вы увидите литовских, польских или русских крестьян, которых фабричные машины выжали, как лимон, и отбросили прочь. То, что делается в процессе капиталистического производства с народными массами аграрных стран, то случилось и в войне. Крестьянин шел из одной атаки в другую с песнями, он шел мужественно, и никто из наблюдателей не бросал ему упрека в трусости, не говоря о клевете, которую ему бросала русская буржуазия из-за отказа сражаться за ее интересы. Но он был не в состоянии выдержать работы капиталистических молотов современной войны, которая взяла его в свои тиски и разрушила его организм,

раздробила его энергию и уничтожила русскую армию. И 1917 год видел апогей, кульминационный пункт германских побед. Русская армия вышла из строя, она не имела больше сил сопротивляться натиску германской армии, победоносному шествию германского империализма. Русская армия перестала быть одним из факторов войны, она рассыпалась, она ушла с фронта, причем понятно, что в этом большую роль, которую мы не отрицаем, сыграла революция. Революция раскрепостила солдата, раскрепостила крестьянина, дала ему землю и волю, и он захотел увидать эту землю, которую он пахал столько лет, но которая была для него мечтой. Он хотел увидать ее собственными глазами, дотронуться до нее, вернуться к ней и работать на ней. Крестьянин не верит тому, чего он не видит, и революция, которая дала ему эту землю, не могла удержать его на фронте,—не было таких сил, которые могли бы удержать его там. Революция, убившая в нем веру в капиталистическую войну, не могла удержать его на фронте, ибо даже тогда, когда взял власть рабочий класс, когда защита России была бы защитой не интересов капитала, а той земли, которую получил крестьянин, защитой фабрик, принадлежащих рабочим, даже тогда можно было это растолковать лишь передовым отрядам рабочих, но не крестьянам. Для них это была старая война, и должно было пройти время, они должны были увидеть родную землю собственными глазами, понять, что на нее посягают чужие, чтобы их можно было двинуть на борьбу и защиту революции, как это мы теперь делаем и как мы будем делать с каждым месяцем все успешнее.

Германский империализм был на вершинах своей победы. Могущественное государство, перед которым дрожали короли прусские, государство, внушавшее Бисмарку тревожные сны, являвшееся в глазах Германии главным ее противником, ибо оно могло выставить громаднейшие армии, это государство лежало разбитым. И гг. германские дипломаты совместно с германскими генералами решили распять на брест-литовском кресте Россию, решили показать русскому народу, что значит освободиться от ига собственного капитала, но не иметь в руках винтовки против чужих хищни-

ков. Германская дипломатия, германский генералитет смотрели на Россию не только как на легкую добычу. Они хотели показать всем народам, что с ними будет, если они не подчинятся воле германского империализма. Когда союзники преступно отклонили предложение русского правительства принять участие в мирных переговорах, тогда германцы, сначала провозгласившие общую формулу о мире по соглашению, заявили торжественно на заседании в Бресте, что это их предложение отпадает с того момента, когда союзники отклонили предложение их мирных переговоров. Германский империализм был убежден, что точно так же, как он диктовал русскому народу мир насилия, как он растерзал Россию, как он наложил на нее петлю, приговорил ее к голоду, отрывая от нее ее житницу, так же точно он поступит и со всеми народами. И сейчас же после брестлитовских переговоров и после принуждения России к заключению этого неслыханного мира, который мы перед лицом всех наций в момент, когда его заключали, характеризовали как мир насильников, как мир хищников, в тот же самый момент берут в германском империализме верх все старые тенденции. Начинается крик, что нельзя выпускать Бельгию из рук, что нужно брать север Франции. Это был момент, когда коршун предавался триумфу, не видя, как подкрадывается охотник с меткой винтовкой, как уже свистит пуля, которая сбросит его с достигнутой вершины. В то время, когда германский империализм подводил итоги своих побед первых трех лет войны,—в этот момент из Америки шла смерть. Она шествовала на поля сражения во Фландрии, залитой кровью, в которой не осталось камня на камне. Пошла не так, как ее со времени Байрона и по наши дни рисуют: в виде скелета с косою в руках. Она подошла на самых современных кораблях, подобных которым до сего времени не видел мир. Из железа и бетона строили американцы новые легкие корабли, на которых переправляли в Европу миллионы солдат, и эти миллионы американский капитализм создал одним ударом ноги о землю. Американский капитализм бросил на весы истории свою силу, свой меч—и от этого меча погибает теперь германский импери-

ализм. Американский капитал сначала был нейтрален. Свою нейтральность по отношению к Германии он определял словами сатирического американского журнала: мне безразлично, кто бьет Германию. Американские капиталисты использовали войну сначала для того, чтобы нажить на ней миллиарды. Они развили громадную промышленность, которая в продолжение двух лет исключительно создавала пушки, снаряды, еще раз пушки, снаряды и военные корабли, опять снаряды, которыми были засыпаны все союзные страны. Американский капитал работал с двойной целью. С одной стороны, он наживал на этом миллиарды. Он выкупил все американские ценности, которые находились в Европе. Таким образом он освобождался от зависимости у капитала Англии, у капитала Франции. С другой стороны, он преследовал свои политические цели. Америка до этой войны не имела никакой армии. Армию эту создать было трудно, ибо американский народ родился, можно сказать, в стране без королей, без аристократической олигархии. Он состоял из людей, которые бежали от гнета милитаризма в Европе, и американский народ не хотел выносить ига милитаризма. Когда американский капитал создавал большие фабрики, работающие для войны, которые давали хлеб миллиону рабочих, то американский капитал ожидал, что придет момент, когда кончится война и когда он обратится к своему народу и скажет: мы создали громаднейшие фабрики, работающие на армию... А у нас армии нет. Вы будете голодать, если мы остановим эти фабрики, если мы все это бросим. Американский капитал имел целью создать во время этой войны под лозунгом борьбы с Германией собственную большую армию, собственный громадный флот, который сделал бы Америку страною, могущею начать на завтрашний же день после международной войны войну с Японией из-за обладания Китаем, — этой громадной страной, располагающей неслыханными возможностями, страною, которая может дать сотни миллиардов американскому капиталу. Для этого всего надо было иметь армию и громадный флот. Надо было сделать то, что именно делал американский капитал. Германия, чтобы задержать транспорты солдат и

снарядов, которые американцы посылали союзникам, начала подводную войну. Подводная война должна была отрезать Англию от хлеба, от снаряжения, от снарядов, которые посылала Америка. Американский капитал закричал. Он во имя человечества требовал себе права посылать предметы и орудия истребления, во имя человечества добивался, чтобы германские рабочие, работающие в Америке, делали орудия, которыми будут убивать их братьев. Германский капитал не мог отступить и отказаться от подводной войны; это значило бы, что он уже сдается, отказывается от победы, что он смотрит спокойно на то, как Америка создает победу для союзников. Германский капитал играл ва-банк, пошел на опасность об'явления войны со стороны Америки. Америка об'явила эту войну, и подводные лодки Германии не были в состоянии задержать транспортов американских миллионных армий, посылаемых в Европу, ибо океан велик, и дороги океана устеречь невозможно. И, несмотря на подводные лодки германцев, американцы перебрасывали месяц за месяцем новые отряды. Когда германцы вернулись из Брест-Литовска на западный фронт и перешли там в наступление, которое должно было дать им победу, германский шеф генерального штаба Людендорф заявил германскому рейхстагу, что к сентябрю Франция будет разбита. Он заявил это официально. Германцы пошли на западный фронт, чтобы разбить Францию, выбить ее из строя. Но вот тогда-то и схватила их в свои стальные об'ятья американская смерть, которую прислали им американские машины, которую принесли им американские солдаты, вскормленные капиталом для боев, снаряженные всем тем, чего требует современная война. Германская армия шла в это наступление с большим под'емом. Один из наших товарищей, которому приходилось в оккупированных областях говорить с германскими солдатами, рассказывал мне, что на вопрос, почему вы так радуетесь, что обстреливают Париж, германские солдаты ему говорили: „Мы жаждем мира, мира во что бы то ни стало, мы хотим идти домой, союзники не хотят начать переговоров, и мы должны взять этот мир хотя бы окровавленными руками“. И они бросились с окро-

вавленными руками в бой, и у сотен тысяч германских солдат, наших братьев по классу, эти руки остались отрубленными на полях сражений в западной Франции. Германская армия дрогнула. Она не была в состоянии вести наступление на Париж. Она не была в состоянии доставить германскому империализму того удовольствия, чтобы в третий раз в истории последнего столетия германский солдатский сапог топтал Париж,—тот город, в котором жил очаг всемирной революции до того времени, пока железная рука империализма не превратила его в военный лагерь. История человечества захотела, чтобы германский империализм, считавший, что нет для него предела, не вступал в город, в котором живут воспоминания парижской коммуны, перед которым в глубине души должен был унизиться Бисмарк. Германская армия не была в состоянии разбить союзнических армий. Задержала ее не только стальная стена, созданная в больших фабриках Америки из руды, добытой руками американских рабочих. Там стояла еще другая стена, которой не видели германские генералы, но о существовании которой мы им предсказывали в Брест-Литовске. В Брест-Литовске мы говорили торжествующим германским генералам: вы хотите распять на кресте народ, преступлением которого является то, что он освободил себя от ига, что он более любит плуг, чем меч. Берегитесь, ведь вы возбудите во всех народах ужас перед германской победой здесь в Брест-Литовске, когда кричите России: горе побежденным! Этот крик будет вихрем: перенесется на поля Фландрии, во Францию, он свяжет народные массы Франции, Англии и Бельгии с их преступными правительствами, ибо он скажет этим массам: беда тому, кто сражается с германской дипломатией за столом не будучи победителем, беда тому, кто ведет переговоры тогда, когда он слабее, а другой сильнее. Мы говорили: вы выпускаете духов новой международной бойни, вы создадите такую ненависть в народах, что горе будет вам, сегодняшним победителям. И когда это говорил представитель Советской России, наш товарищ Троцкий, они только посмеивались. Германский империализм знал только одно, он знал меч, который побеждает, но он

не думал о том, что знал уже историк древнего Рима: погибают от меча, которым воюют. Он не знал еще того, что нынешний меч держат в своих руках народные массы и что может прийти момент, когда рабочие Германии в состоянии будут поднять этот меч против правительства, которое гнало их из одной войны в другую в продолжение четырех лет, которое сделало Германию развалиной и германский народ—калекой. Придет момент, когда эти массы не будут в состоянии или не захотят поднять этого меча в защиту короны кайзера, в защиту интересов германского капитала. Там, на полях Фландрии, победила не только техника американского капитала. Там победил дух народных масс, которые еще идут за своими правительствами, еще доверяют защиту своей страны преступной шайке, не уступающей ни в чем Гофманам, Кюльманам, победителям брестским,—дух тех народных масс, которые спрятались под крыло своего империализма только потому, что они увидели, как умеет терзать живое тело человечества коршун германского империализма. Германское наступление было отбито. Началось германское отступление. Оно создало большую тревогу в рядах германских капиталистов. Эти великие патриоты, которые, сидя у себя дома и отрезывая купоны национального займа, кричали „гром победы раздавайся“, заявили германским рабочим: „иди вперед“. Мало того, что вы разбили Россию, берите Туркестан, Египет. Они, которые гнали германских солдат на бой, отнимая у них жен, детей, кусок хлеба, теперь задрожали. Они грабили германский народ в продолжение трех лет путем патриотических займов, за которые германский народ должен бы был, если бы остался капитализм,—а он не останется,—платить миллиарды процентов в год. Они грабили Бельгию, они до сего дня после брестского мира вырубают последние леса на Березине... И теперь, когда этим капиталистам посмотрела опасность в глаза, они испугались за свои кошельки: а вдруг победят союзники и скажут: отдай то, что ты награбил, и с прибавкой. И они начали атаковывать германскую дипломатию: мошенничай, заключай мир, попробуй это через римского папу или через королеву голландскую. Германская

дипломатия не имела свободы рук, ибо германский генералитет, как военщина всех стран, никогда не был в состоянии учиться у истории. Германские генералы думали: надо подтянуть людей, надо еще более нажать на армию, надо ее еще больше гнать, не надо допускать никаких уступок. Тогда германский министр иностранных дел г. фон-Кюльман, тот самый брест-литовский Кюльман, который там, в Брест-Литовске, пытался сначала совместно с нами заключить сделку, в каковой Советское Правительство должно было играть роль наивных людей, заявляющих: Кюльман—честный человек, а германское правительство заключает с народами мир согласия, так вот этот Кюльман, когда мы отказались покрыть его разбойничью политику, принужден был в рейхстаге закричать: господа, военными средствами этой войны не кончить! Теперь мы видим это ясно. Германское наступление, которое было назначено на тот день, когда Кюльман выступал в рейхстаге, должно было быть отсрочено на две недели, ибо признание Кюльманом, что Германия не в состоянии победить, наполнило страхом ряды германской армии. Кюльман заплатил за это своей политической смертью. Однако, и это тоже не дало победы. Один из германских империалистических писателей граф Ревентлов, вояка каких мало,—он не был на фронте,—заявлял в своей газете: Господа, почему эта тревога, не надо тревожиться, ведь, мы можем внушить и нашим союзникам тревогу. И вот граф Ревентлов оказался хорошим пророком. Союзники, в первую очередь Австрия, начали немного тревожиться и не без основательных причин. Австрия представляет теперь собой развалину, и австрийская дипломатия, как и австрийское правительство, вероятно, не столь удивятся, когда грянет гром революции в Австрии, как они удивляются теперь, что революция еще не разразилась. (Аплодисменты). В Австрии, товарищи, транспорт буквально развалился. Десятки миллионов вагонов стоят в прифронтовой полосе. Правительство не может их получить обратно, ибо солдаты живут охотнее в этих вагонах, чем в траншеях. Как обстоит там продовольственный вопрос—вам известно. То тяжелое продовольственное положение, которое мы переживаем, пред-

ставляется по сравнению с тем, как живет Австрия, чистейшим удовольствием, как бы мало вы это удовольствие ни чувствовали. Чешские мужики и кулаки-помещики не дают Австрии хлеба, ибо германцы платят больше за этот хлеб и вывозят его массами. Чешские мужики не хотят продавать хлеб городам, ибо они на ножах с городами, в которых большинство из германцев. Национальный вопрос там неслыханно усложняет экономическое положение. Национальная борьба разбивает армию, ибо если вы можете себе представить, что при открытии парламента в самый опасный момент для государства депутаты этого государства вступают в рукопашный бой, немцы бьют по физиономиям чешских депутатов, а эти отвечают им тем же самым, то вы можете понять, как обстоит дело в армии. Эта армия связана с партиями, с депутатами, с политической жизнью страны. Австрийское правительство представляет собой труп, который еще не похоронен, хотя он уже гниет, лишь по одной причине: народы Австрии еще дерутся. Рабочий класс Австрии еще не встал, не взял за ноги этот смердящий труп и не выбросил его в Дунай. Вот как обстоит положение в Австрии. И нет ничего удивительного в том, что австрийское правительство, не считаясь с Германией, предложило мирные переговоры союзникам. Союзники ответили философским изречением: этом труп еще движется, надо его так бить, чтобы он и не думал о переговорах. Австрийское правительство точно так же, как не может само умереть, не может само и выйти из войны. Оно не может выйти из войны, пока не встанут рабочие, ибо австрийский кайзер опирается исключительно на германское меньшинство, существующее в Австрии. Если он порвет с Германией, то будет покинут своей германской буржуазей в Австрии и останется со славянскими крестьянскими демократическими народами, которые кричат о том, чтобы покончить с этой черно-желтой монархией. Эти народы будут иметь в будущем историческую задачу: создать свободный союз народов, живущих над Дунаем, ибо они связаны друг с другом; но в данный момент они являются развалинами памятников истории, подобно памятнику Александра III, который мы убрали. Прежде чем австрийское

правительство решило выйти из войны, это сделала Болгария, во главе которой стоит Фердинанд Кобургский, считающийся в европейской дипломатии одним из самых лучших дипломатов. Он лучший дипломат потому, что идет с более сильными. Этот Фердинанд Кобургский, дипломатические таланты которого можно оценивать потому, что он происходит из той самой семьи, которая дала Европе самого ловкого капиталистического мошенника в короне, какого видел мир, Леопольда Бельгийского, этот Фердинанд Кобургский пошел с Германией тогда, когда казалось, что близка германская победа. Тогда болгарские патриоты, которые до этого времени считались нейтральными, ибо они брали деньги и от французской и от английской бирж, но, когда перестали быть нейтральными, брали деньги только с Берлина, создали целостную теорию о том, почему Болгария должна идти с Германией... Теория говорила, что от Гамбурга до Багдада человечество создало одну семью, связанную едиными интересами. Ниже Гамбурга или поднявшись от Багдада на север или на юг нет слитной семьи человеческой, но там, где пролегают рельсы германской ж. д., там все люди должны быть соединены в одну семью, и на этой земле не должно быть пустого места; эта ж. д. не должна быть прорвана между венгерской и турецкой границами. Поэтому Болгария должна заключить союз с Германией, и за союз Германия обещала все то, чем она, Германия, не владела и чего она не хотела поглотить: обещала половину Сербии с гор. Нишем, вторую же половину Сербии должны были взять Габсбурги, старые приятели сербского народа. Болгария пошла на это! Она усвоила себе эту теорию. Но затем исторические люди Болгарии, которые в историю войдут только двумя деяниями,— тем, что направо и налево брали деньги, и тем, что за брест-литовским столом плевали в лицо России,—по требованию германских унтер-офицеров, все эти Гатчевы, Радославовы, Малиновы заявили: „мы не можем дольше вести войну, ибо для того, чтобы вести войну, надо иметь армию“. В Болгарии началась та же самая история, которая привела Германию к поражению, но которая на Востоке привела ее к победе. Болгарский крестьянин сделан из того же самого

материала, что и русский. В прошлом году, в сентябре, друг мой, главарь болгарких большевиков Кирков говорил: „увидите, что через несколько месяцев война кончится очень просто: наши мужички пойдут домой". Предсказания тов. Киркова сбылись летом этого года, когда крестьяне захотели пойти домой, чтобы возвратиться к своим семьям, своим женам. Они воевали 6 лет. Их гнали на войну еще в 1912 г., не только в 1914, и они сказали—довольно. Крестьяне,—как вы знаете,—не делают революцию для захвата власти. Крестьяне не умеют централизовать своих действий, не умеют выдумывать для себя политической программы. Мужик, когда ему война надоест, остановится, подумает и пойдет своим тяжелым шагом, перекрестившись по дороге, благодаря Бога, что он этого дьявола покинул. Болгарский мужик не спросил, какие векселя подписывали Фердинанд Кобургский и генералы Гатчев и Савов,—эти великие народные герои, которых сажают в тюрьмы за кражу казенных денег, дабы их сделать потом генералиссимусами армии. Мужик об этом не спросил, а пошел прямо домой. Германцы думали, что если они об этом молчали, то об этом не узнает неприятель, но неприятель, стоящий на их фронте, имел контр-разведку, он наблюдал, видел, и этот неприятель не ждал, пока германцы сумеют послать свои силы, двинулся, уничтожил ту слабую завесу, которая была на болгарской границе, и пошел штурмом. Сербские войска очутились у Ниша, болгарские войска сражались с Германией в 5-ти километрах от Софии. И Фердинанд, самый умный дипломат, понял, что для того, чтобы спасти свою голову, надо снять свою корону, и он передал корону своему сыну Борису, думая, что сына помилуют за грехи отца. Король Фердинанд подал в отставку. Советская Республика потерпела потерю, ибо он должен лично ей 3 миллиона, которые получил от царя перед самой войной в виде займа. Но не в том дело, а в том, что таким образом германский фронт сдвинут на юг. Союзники смогли бросить свою Македонскую армию на Австрию. Они наступают в Албании, они пойдут дальше, и если они теперь уже в Нише, то австрийское правительство уже видит перед собой отряды союзной армии, во главе с несчастными

сербскими крестьянами, которых гонят на бой не во имя Сербии, а во имя интересов английской биржи. Австрия чувствует, что прибижается момент итальянского наступления, ибо победа союзников дает им возможность погнать часть войск в Италию и снова ввести измученных, истерзанных, обливающихся кровью итальянских рабочих в дальнейшую бойню. Перед Германией стоит опасность откола Австрии, и эта опасность сегодняшнего дня. Сегодня имеются сведения, что Турция вышла из рядов воюющих. Правда, она не разорвала еще союза с Германией. Турецкий посол сидит еще в Берлине и даже пытается вылезть из бакинского капкана, в который Турция попала в тот момент, когда ее армия бежала с Палестинского фронта. Но эта армия не в состоянии дольше воевать. Несколько недель тому назад в американском „Ньюиорк Куранте“ было помещено интервью корреспондента этой газеты с великим и сильным мужем Турции Талаат-пашей, который говорил, что у нас сильно увеличился развал, солдаты бегут с фронта, но мы все уладим, мы их все-таки подтянем. Талаат-паша не сдержал своего обещания. Он не был в состоянии подтянуть турецкую армию, которая сбежала с Палестинского фронта, и английская армия движется по направлению к Багдаду, идет в глубь Сирии. Германскому империализму пришлось сделать новый шаг. Он обратился с нотой к Вильсону, где заявляет ему, что он готов начать переговоры о мире, на основании 14 пп. Вильсоновской программы, что он просит, во избежание дальнейшего кровопролития, сделать перемирие на всех фронтах, что он готов,—это сказал теперь германский правительственный канцлер кн. Баденский,—что он готов идти на всякие уступки, совместимые с честью германского народа. Об этих уступках я буду говорить в следующей части своего реферата.

Теперь я попытаюсь в нескольких словах нарисовать резюмирующую картину: великий могущественный капитал,—капитал, не довольствующийся тем, что он эксплуатирует 70-миллионный народ, что он забрасывает своими товарами весь мир, побеждает в борьбе товаров старую Англию,—этот капитал идет с оружием в руках на войну для того, чтобы

очистить себе путь для владычества над частью морей, он хочет быть первым между равными, а этими равными являются только наиболее могущественные американский и английский капиталы, германский капитал хочет разделить мир между двумя сильными разбойниками, он диктует всему миру свои законы, он говорит: „я так хочу и меня должны слушаться миллионы и миллионы людей“. Этот капитал своей неслыханной мощью внушает народным массам чувство бессилия. Он кажется таким великим и таким сильным, что рабочие массы, которые создали своим трудом все богатство этого гиганта, не смеют думать о том, чтобы, когда он даст им винтовку в руки, пулей этой винтовки уложить его; они не смеют думать, что можно сопротивляться, когда он гонит на войну, и они идут тяжелым шагом и без песен. Но после первой победы они думают о победителе: он даст нам кусок хлеба, он даст крошки своего богатства и они поют: „слава тебе, победитель“. Они смотрят бескровными глазами, без слез, на то, как им приказывают уничтожать трудовую массу, они смотрят, как гонят польских рабочих на каторжные работы в Германию, как посылают беззащитных бельгийских рабочих на рудники, как тащат их детей на фабрики, как их жены являются придатками к машинам. Они не верят, что можно бороться, и думают с проклятием: мы не поднимем рук на этого гиганта. И этот гигант гонит свои массы беспощадно из одной войны в другую, он пьет их кровь, втянув четверть миллиона германских солдат, которые погибают, и г. Фалькенштейн называет его вампиром, который сосет кровь России. Он гонит их снова в Турцию, потом обратно во Фландрию, и они идут шаг за шагом, все медленнее и тяжелее делается их шаг, у них нет сил, их плохо кормят, у них нет достаточного вооружения, нет одежды, им голодно, им холодно, их гипнотизирует Гинденбург, эта фигура, выкованная из железа, великая, громадная, приказывающая, их гипнотизирует г. Людендорф со своими холодными глазами и фон Макензен — глазами коршуна. Они смотрят в эти глаза и идут дальше, но их силы кончаются. Они не могут больше повиноваться своему правительству. Они еще не решились поднять про-

тив него оружия. Они не решились крикнуть ему—довольно!—но их силы уже истощены. Они терпят поражения, и тот гигант, на которого они не смели поднять руку, падает от удара американского капитала. Мы стоим, товарищи, перед грандиозной исторической картиной. Перед нами находится в глубоком раздумьи германский рабочий. В эти дни переворота Германии, в дни, когда сошла с исторической сцены одна категория Германии, когда начал бить на часах истории 12-й час германского капитала, те же самые массы, которые завтра пойдут в бой во главе революционной волны, стоят пока без движения. Ведь, мы имеем дело с Германией, с нацией с 70-ю миллионами человек, обладающей самой высшей технической и умственной культурой; если бы мы имели дело с Китаем, то и то перелом не мог бы иначе прозойти. Пока-что народные массы молчат, и в этом молчании—последний отклик былого могущества германского империализма. Это есть последнее эхо его силы,—эхо, которое разобьется как всякое эхо. И после него будет момент тишины, а затем грянет буря, какой не видала история.

От правительства Людендорфа к правительству Шейдемана.

Товарищи! Крушение мощи германского империализма должно было привести механически к падению старого германского правительства, которое можно было назвать правительством Людендорфа, шефа штаба германской армии, и которое являлось по своему существу правительством коалиции помещиков и финансового капитала. Это правительство пало на полях сражения в Фландрии под впечатлением откола Болгарии. Оно было правительством par exelence. Это правительство в своем составе представляло старую Германию, в которой господствовали помещики, генералитет, бюрократия из рядов помещичьего класса С 70-х годов, когда оно стало во главе Германии, главной мыслью его было—удержать народные массы в своей власти при помощи полицейских мер. Старая помещичья Германия признает

еще законы XVII столетия, на основе которых в Мекленбурге существует до сего времени особое представительство в парламенте от помещиков, которых допускают буржуа только из милости. Германия, разрешающая помещикам истязать батраков, Германия, которой осталось наследство старой юнкерской страны, имела таким образом свое правительство—помещичье. Но оно служило уже не только помещичьим интересам. Оно обслуживало также интересы современной буржуазии и ея финансового авангарда, интересы финансового капитала. В союзнической русской литературе и печати полагают, что германская реакция имеет чисто феодальный характер. Но это совершенный вздор и абсолютная неправда. Германский помещик приспособился к капиталистическому развитию, он сам сделался капиталистом. Он занимается теперь курением водки и производством сахара, он имеет акции правительственных предприятий. Он не является классом вымирающим, каким были русские зубры. Эти старые феодальные помещики сделались современными капиталистами и служат в качестве бюрократии и генералитета капиталистическому классу. Только этим об'ясняется тот факт, что в Германии капиталистический класс никогда не пытался брать в свои руки власть. Помещики, генералы и бюрократия, которые сидят совместно за столом правительства, и исполняют все, чего хочет от них крупный капитал и банки. Старое правительство было средневековым. В своих речах кайзер говорил о Нибелунгах, о средневековых легендарных рыцарях, о Христе, о Божьей милости. Но это все была лишь надстройка, были кулисы. А за этими кулисами средневековья сидели всякие Мендельсоны, Гвинеры и прочие представители капитала. И эти господа в костюме рыцарей, замаскированные Зигфридом, умели, однако, обделывать делишки всего мира, не средневекового мира. Если они пытались удержать Германию на уровне политически средневекового государства, если они отказывали рабочим в правах, как продолажается и до сих пор в Пруссии, где рабочие до сегодняшнего дня имеют меньше политических прав, чем владельцы публичных притонов; если они пускали в ход против рабочих самые грубые полицейские насилия,

позволяли себе унижать Германию перед всеми народами, типичным средневековым насильничеством, то это происходило не потому, что Германия находится на ступени феодального средневекового государства.—причины этого факта лежали в ином. Германские капиталисты видели, что рабочий класс весьма силен и понимали, что его нужно запугать... Вы знаете, что владелец зверинца не боится обезьяны в клетке, она ему не опасна, он с ней играет, но льва он пытается терроризировать всеми средствами, дабы лев не сумел понять, что он может растерзать владельца зверинца. Германская политическая система являлась отражением двух фактов: роста, с одной стороны, громадного капиталистического класса и усиления, с другой—могущественного рабочего класса, интеллигентного и организованного, которому недоставало только одного: понимания того, что он сильнее своей буржуазии, что он может ее сбросить и стать властителем судеб германской нации. Правительство Людендорфа было правительством финансового капитала, угольных, железных и банковых королей, служивших в первую очередь великому, крупному капиталу. Это правительство рухнуло. Буржуазия германская поняла, что народные массы помнят великолепно, как представители юнкерства, не коронованный король Пруссии, как граф Вестарп, как представители милитаризма приветствовали эту войну, как они в продолжение этой войны отказывали народным массам в малейших правах. И поэтому правительство было принуждено выбросить за борт излишний балласт. Оно должно было спрятать куда-нибудь своих юнкеров. Весьма интересен тот факт, что во всех списках нового правительства нет ни одного намека о том, кто будет министром войны. Германское правительство пытается появиться на сцене, как правительство мира, и поэтому оно отвело на задний план грандиозные фигуры своих воителей—Гинденбурга, Макензена, Людендорфа. Этим оно стремится уговорить рабочих, что перед ними нечто новое, что старой Германии уже не существует, что в этом правительстве будут заседать представители национал-либеральной партии. Что такое национал-либеральная партия? С первого дня рождения герман-

ского империализма эта партия была движущей силой империализма. Это была партия милитаризации Германии, партия экспансии, партия Багдадской железной дороги, китайской авантюры, создавшая китайскую войну. Был момент, когда эта партия не хотела принять участия в новом правительстве, а, может быть, ей даже не предлагали участия. Она боялась, что рабочие массы, увидев ее, сейчас же поймут, что перед ними то же самое правительство, только в новом костюме. Прошло несколько дней, рабочего движения не было, и лица, составлявшие новое правительство, решили, что теперь можно рискнуть. Кроме того, они боялись, что если оставят за бортом самую влиятельную капиталистическую партию, то получит почву оппозиция юнкерства и крупного капитала. А при наличности этой оппозиции и все растущей, кроме того, оппозиции народных масс новое правительство будет висеть буквально в воздухе. Это будет правительство беды и несчастья, не знающее, зачем оно родилось. Оно включило в свой состав национал-либеральную партию, но, сделав это, оно доказало миру и рабочим Германии, что произошла только смена декораций, что новое правительство, это—то же самое правительство под новым флагом.

Но все-таки эта смена декорации имеет глубокое историческое значение. В Германии до этого времени парламент не управлял страной, не назначал министров. Представители государств, которые входят в состав Германии, т.-е представители двух дюжин королей, в имперском союзном совете имели решающий голос. Назначал министров имперский совет. Он создал новое правительство, соглашаясь на так называемую парламентаризацию правительства. Это значит, что теперь парламент назначает новое правительство, но практически это ничего не меняет, ибо все органы власти остались в руках старой клики. Армия находится под палкой того же самого генералитета. Бюрократия находится в тех же самых юнкерских руках ландратов. Правительство, которое будет на сцене рейхстага, на трибуне рейхстага, явится только ширмой. Фактически все будет делаться за кулисами. Обделывать все делишки будут пред-

ставители финансового капитала, представители милитаризованной олигархии. Но все-таки тот факт, что старое правительство Божьей милостью было принуждено капитулировать, что кайзер, который не сумел до этого времени принудить юнкеров дать рабочим демократические выборные права, принужден был заявить, что нация через своих представителей будет руководить судьбами нации, многое доказывает. Очевидно, правительство убедилось, что нация ему больше не доверяет и что этого доверия лишены старый Гинденбург, с которым они носились как с Богом, и Людендорф, которого они представляли в виде доброго гения германского народа. Вот что доказал этот факт. Новое правительство интересно и другим. Вы знаете, как третировали в Германии рабочее движение. Вы знаете слова кайзера об изменниках народа, сказанные по отношению к германской социал-демократии. Вы знаете, что германский социал-демократ не мог быть в Германии даже профессором физики, хотя законы физики не имели никогда ничего общего о Эрфуртской программой. Вы знаете, что в Германии социал-демократ не мог попасть ни на какое мѐстечко в бюрократической иерархии. Я помню сцену в германском парламенте, когда один очень умный представитель управления флотом разговаривал с социал-демократическим депутатом Носке, с оппортунистом, сидя с ним в библиотеке; когда вошел представитель консервативной партии граф Вестарп, он встал с места, взял газету и притворился, что ее читает. С социал-демократом нельзя было разговаривать. Мы напечатали в „Известиях“ выдержку из письма Вильгельма 1895 года к своему хорошему другу царю Николаю, в котором кайзер говорит: „мой рейхстаг ведется из рук вон скверно. Он находится между социалистами, поддерживаемыми евреями, и между католиками ультра-монтанами. Если бы дело было в моей власти, их всех надо было бы поголовно повесить“. Это было сказано кайзером о том правительстве, которому он теперь передает власть. Теперь в это правительство допущены представители рабочего класса. Вы знаете, что мы думаем о шейдемановцах; что мы думаем о германских оборонцах.

Это—предатели, а не представители рабочего класса. Они помогали германскому империализму тянуть рабочих на войну, они представляли ее как справедливую оборонительную войну. Это—люди, на руках которых кровь рабочих всего мира, ибо они не боролись против этой войны, и от этих людей в день международной революции потребует отчета весь мировой пролетариат. Совместно с истинными представителями германского рабочего класса мы питаем к этим людям только презрение. Все это так, но, благодаря этому, не исчезает важность положения, в котором германское правительство принуждено обращаться к людям, которые все-таки вышли из рабочего класса, которых оно третировало до этого времени и которым оно говорит теперь: „господа, спасайте меня". Имперский канцлер князь Макс Баденский в своей речи заявил, что он берет на себя тяжесть задачи, между прочим, потому, что он верит, что участие представителей рабочего класса в этом правительстве даст ему силу и возможность справиться с задачей.

Правительство, занявшее сейчас первое место на исторической сцене Германии, не будет в состоянии справиться ни с одной из своих задач. Этому правительству угрожают враги и справа, и слева. Когда на смену царской власти пришло правительство князя Львова с Гучковым с правого фланга и с Керенским, как представителем левого фланга, то это произошло лишь после того, как солдаты отказались служить царю. Это было результатом революции, и все таки,—несмотря на то, что дальнейшие месяцы революции углубили пропасть между старой царской Россией и новой,—генералитет мог еще долго держать армию в своих руках, мог ей приказывать, мог пробовать в лице Корнилова поднять ее против нового строя. В Германии еще не было революции. И если в ближайшие месяцы германское правительство сумеет задержать наступление союзников, что представляется еще возможным, если оно не приведет к миру и укрепит оборонительную линию, то не подлежит ни малейшему сомнению, что генералы Гинденбург и Людендорф не будут подчиняться правительству Шейдемана. Они не подчинялись правительству Бетмана-Гольвега, не подчинялись пра-

вительству графа Гертлинга. В старом правительстве они вели свою собственную политику. Каждое заседание рейхстага представляло собой картину борьбы милитаристической клики, которая была орудием буржуазного класса, с классом мелкой буржуазии,—борьбы, которая разыгрывалась на плечах рабочего класса. Нельзя допустить, чтобы, не потерпев полного поражения, эти люди подчинились совершившемуся факту, чтобы они не попробовали покончить с правительством Шейдемана. Будут выступления справа—и тогда Шейдеманам придется опереться на народные массы против генералитета. Они не сделают этого. Шейдеманы за все время войны играли очень простую игру, которую совершенно открыто раз'яснил член шейдемановской фракции, ренегат революционной социал-демократии, доктор Лёнч. Он сказал: когда массы голодают и кричат, что хотят мира, должна выступать в парламенте фракция, которая кричит от их имени и таким образом облегчает настроение. Массы видят, что кто-то за них подымает голос—и успокаиваются. Шейдеман все время кричал, чтобы рабочие не заговорили. И теперь, когда ему придется вступить в конфликт с Людендорфом, он будет кричать в два раза сильнее. Но теперь ситуация другая. Тогда Шейдеман мог говорить: „мы протестуем, мы кричим, мы разоблачаем, а они не хотят", он мог говорить: „мы не правительство, мы оппозиция". Теперь этот Шейдеман находится в правительстве—и теперь рабочие его спросят: а что же ты сделал, ведь ты всегда кричал? Но теперь, что ты сделал? Как ты сдерживал нашу военную клику? Дал ли нам право высказывать свои мнения, дал ли ты нам хотя бы кусок хлеба, когда богачи имеют все, что им нужно? Шейдемановщина обанкротится очень скоро. Правительство, которое взяло в свою среду Шейдемана и его клику, осудило себя этим на разложение, ибо шейдемановцы будут принуждены раскрыть, что это правительство—старое правительство, они будут принуждены показать свое бессилие в этом правительстве.

Тт., какой вопрос стоит на очереди? Вопрос мира. Германское правительство заявило Вильсону, что оно готово принять 14 пунктов его программы. Эти пункты программы

не есть настоящие устойчивые пункты, это лишь линии, которые можно раздвинуть в одну и другую сторону. Это не программа, и потому германское правительство, преклонившись перед Вильсоном, думает, что теперь Вильсон пойдет на сделку. Это, тт., не очень вероятно, но возможно. Не вполне вероятно, ибо капитал стран союза, имея возможность диктовать Германии, может-быть, и не захочет никакой сделки, но все-таки возможно. Если германское правительство откажется принять условия Вильсона, то оно принуждено будет вести войну в отчаянной военной обстановке, которую генерал Арден в последних боях характеризовал словами: „враги вокруг нас“. Оно будет защищаться на германской территории, при чем Австрия отпадет от него. Оно будет принуждено или поставить крест на Австрии, и тогда через Австрию пройдут войска союзников, или же подавить австрийскую революцию, сняв для того силы с западного фронта: так или иначе, но оно обезкровится в этой войне. Что будут делать Шейдеманы? Убеждать рабочих, что мы должны защищаться, что нас хотят грабить? Но рабочий класс, который повиновался до тех пор, пока верил в победу, спросит: „кого это—нас—грабить, разве нам принадлежат рудники, разве в наших руках фабрики, разве мы, рабочие, предлагали другим рабочим условия мира, и другие рабочие эти условия оттолкнули“? Что им ответят? Войну, которая началась во имя определенных грабительских целей, невозможно сделать справедливою оборонительною войной. Если шейдемановцы будут принуждены вести войну, то они не удержат за собой народных масс. Они не в состоянии будут внушить им волю к победе, как не в состоянии были сделать это Керенские и Церетелли, которые имели доверие народных масс, которые, как Церетелли, только-что вернулись с каторги, имели за собою историю славной борьбы, которые в глазах масс и своих противников являлись счастливыми людьми. Шейдеману рабочие дали 5 лет тому назад мандат в рейхстаг, но теперь его округ в Золингене освистывает: рабочие в Германии его знают как мошенника, и Шейдеманы, которые являются правительством и не освобождают Карла Либкнехта, не будут иметь моральной силы

удержать народные массы. Народные массы потребуют от них хлеба. Шейдеманы на это ответят: нет этого хлеба. У них не будет сил взять этот хлеб из Украины. Но Шейдеманы не смогут сказать: нет хлеба вообще, ибо этот хлеб можно будет получить путем союза рабочих Германии с рабочими России. Шейдеманы не могут сказать, что буржуазия голодает, как рабочие, ибо буржуазия Германии при новом правительстве будет так же хорошо есть, как и при старом. Это новое правительство не посмеет ни в чем отказать буржуазии. Вопрос мира и вопрос хлеба неразрешим для нового правительства. А вопрос свобод? Всякий рабочий поймет, что, когда во власти принимают участие представители рабочего класса, это должно отозваться в первую очередь на том, что будут сняты цепи с рабочего класса, что тем рабочим, которым закрывали рот во время войны, запрещали издавать газеты, которых сажали в тюрьму за малейшую агитацию,—правительство даст свободу. Нельзя рабочих двинуть на войну, когда они узнают, что они защищают только свои цепи. А может ли германский генералитет, германский капитал раскрепостить народные массы, если он хочет вести войну дальше? И вот эти массы узнают то многое, что теперь для них тайна. Тогда эти массы будут иметь возможность, как и русские народные массы, переродиться во время дискуссий при решени вопросов. Разве массы, которым дадут право собраний, будут сидеть дома, рассуждать о том, что такое империалистическая война? Они пойдут в бои, пойдут на улицы, будут демонстрировать. Может ли на это согласиться теперешнее германское правительство? Ни в коем случае.

Оно не может с этим согласиться, и поэтому то новое правительство, которое пришло на смену правительству Людендорфа, это новое правительство германских Гучковых, германских Керенских, Церетелли и Черновых есть временное правительство. Когда уезжал германский посол, правительство меня послало для переговоров с ним и для выяснения, что означает его от'езд. Он мне несколько раз подчеркнул, что русское правительство — временное. Я ему ответил, что мы, марксисты, ученики великого германского

философа, знаем, что все временно. Г. Гельферих посмотрел на меня, и не знаю, поверил ли он в то, во что ему теперь приходится верить. Принц Баденский, теперешний канцлер, уже в первой своей речи должен доказывать, что его правительство не временное, и эта его защита доказывает, что в его груди уже живет сомнение, справится ли он с этой задачей. С этой задачей он не справится, это не подлежит никакому сомнению. Но не имеется другого выхода из положения. Предположим, что правительство заключит теперь мир. Тогда встает перед ним та задача, с которой не справлялось до этого времени ни одно правительство. Явятся сотни тысяч солдат с фронта, вновь будут работать на внутренний рынок, но нет сырья, невозможно перестроить промышленность, и пройдет года полтора, пока будет это сырье. Что сделает это правительство? Одни говорят, что надо держать солдат в казармах и отпускать их лишь по мере того, как промышленность будет возрождаться, ибо иначе мы будем иметь полный промышленный крах, мы будем иметь безработных. Другие говорят, нельзя держать рабочих в казармах, ибо они истосковались по семье, их надо отпустить, и мы будем иметь или восстание солдат, или революцию безработных. Третьего выхода нет. Будет ли война продолжаться, будет ли заключен мир, это правительство является временным, которое не будет в состоянии справиться со своей задачей.

Товарищи, когда нам говорили германские министры, когда еще 24 сентября, за несколько дней до болгарского провала, контр-адмирал Гинце, бывший министр иностранных дел Германии, говорил в рейхстаге, что положение в России не выяснилось, что большевистское правительство—правительство временное, и что, пока оно существует, мы хотим быть с ним в мире, то мы не обижались. Мы знали, что живем в такое время, когда рабоче-крестьянское правительство, несмотря на все затруднения, укрепляется потому, что капиталистическое правительство только ухудшило положение, что массы в процессе развития убеждаются, что они собственными руками сумеют сделать что нужно. Теперь германскому правительству придется привыкать к тому, что

мы открыто говорим: мы не верим в это правительство, потому что оно временное, и мы готовы до тех пор, пока германский народ не скинет этого правительства, жить с ним в мире и согласии, как мы это подписывали в Брест-Литовске.

Правительство Либкнехта.

Товарищи, кто придет на смену этому правительству? Мы можем это определить точно. Мы можем определить это на основании соотношения сил в Германии; задачу, которая стоит перед Германией и перед всем миром, не может решить каолиция из капитала, мелкой буржуазии и аристократии и предателей рабочего класса. Вне этой коалиции существует только один класс—рабочий класс пролетариата, и мы глубоко убеждены, что в скором будущем придет на смену этому правительству правительство рабочего класса, правительство Карла Либкнехта.

Товарищи, в этот момент, когда мы являемся свидетелями великого исторического поворота, когда мы видим сумерки империалистских богов, перед нами встает во весь рост эта великая фигура представителя германского рабочего класса, оставшегося одиноким в момент падения этого класса, в момент крушения старой германской социал-демократии. Эта фигура будет знаменем в тот момент, когда восстанет рабочий класс Германии. Я помню, товарищи, как сегодня, когда в ноябре 1914 года, после первого месяца войны, в Германии существовали только-что создавшиеся маленькие нелегальные кружки рабочей интеллигенции, которые пытались между собою соединиться и войти в контакт с русской социал-демократией, когда во главе их шел Карл Либкнехт, я припоминаю день, когда я получил телеграмму,—это было перед вторым собранием рейхстага,—где он просил приехать меня в Берлин, дабы убедить одного из моих друзей, левого депутата в рейхстаге, чтобы он совместно с Либкнехтом голосовал против кредита. Мы убеждали этого левого депутата,—он теперь независимой, и он на это ответил: „Я скажу откро-

венно: я не могу голосовать против кредитов. Я человек семейный, у меня 8 человек детей, меня выбросят с места, и я останусь без хлеба, вы можете, а я нет". Либкнехт закусил губы и, подняв голову, вошел в парламент. Этот малодушный левый был рабочим, у которого были революционные мысли, но который не умел из-за них страдать. В последнюю минуту он пытался подставить ногу Либкнехту, думая умалить его мужество, и говорил: „Вряд-ли вы посмеете—один человек во всем рейхстаге—голосовать против всего рейхстага". Либкнехт не сделал ему чести ответить; я помню тот момент, когда из журналистской трибуны в момент голосования бюджета я увидел Карла Либкнехта: он остался на своем месте; вся зала начала кричать, а также его ближайшие товарищи: „Либкнехт, встаньте"!—но он оставался спокойным, это не была баррикада, ибо на баррикаду не может пойти один человек, но это было начало мужественной борьбы, это был геройский подвиг. Сын солдата революции, Либкнехт в момент глубочайшего поражения германского рабочего класса, в черную ночь реакции, в момент, когда масса изверилась в своих старых богах, сумел один противопоставить всему миру свою веру в идеал рабочего класса, в международный пролетариат, в день победы международного рабочего класса, и свою веру в то, что тот рабочий класс, который был предателем рабочего дела, восстанет и вернется к старым знаменам и что на этом старом знамени будут стоять старые заветы: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь". Рабочий класс Германии, несмотря на крушение германского империализма, еще не восстал, но мы можем с математической точностью предсказать, что он будет принужден восстать, что он восстанет, ибо мы знаем, что теперь в Германии есть десятки миллионов людей, которые пойдут за Либкнехтом, что их больше, чем было в мартовские дни рабочих, идущих за нашим вождем Лениным (аплод.), ибо мы знаем, что в германских тюрьмах томятся рабочие, которых разыскивает полиция в десяти городах, как нелегальных работников, знаем, что существует германский большевизм, работающий с нами рука-об-руку, — большевизм, стремящийся к тому же, к чему и мы, и что этот герман-

ский большевизм теперь слабый, как был слаб наш большевизм в мартовские дни, скорее, чем русский большевизм, окрепнет, встанет и победит массы. Мы это знаем потому, что в России можно еще уговаривать массы, что союзники дадут победу,—продержитесь только, победа будет, англичане победят, но Германия не имеет больше утешений, которыми можно было кормить рабочий класс, жаждущий мира и хлеба. И поэтому в тот день, когда германское правительство,—правительство, пытающееся спасать германский империализм,—выдвигает на первый план предателей рабочего класса, в этот день мы приветствуем Карла Либкнехта, находящегося еще в тюрьме. Но Карл Либкнехт будет на свободе (апл.). Да здравствует Карл Либкнехт! (Аплод. Все встают и устраивают шумную овацию). Мы, товарищи, не руководствуемся только чувством. Холодный анализ положения подсказывает, что рабочий класс Германии принужден будет пойти путем рабочего класса России. За несколько дней перед переворотом в Германии старый теоретик второго интернационала Каутский выпустил маленькую брошюру о диктатуре пролетариата, направленную против большевистской революции, против наших рабочих. В своей брошюре этот труп, эта мумия второго интернационала доказывает германским рабочим, что диктатура насилия над буржуазией могла иметь место в чудовищных размерах только в России, что германский рабочий класс победит путем всеобщего равного, тайного и прямого голосования. В момент, когда германские рабочие потребуют мира,—пусть они даже имеют за этим лозунгом большинство германского населения,—разве вы думаете, что в этот момент германские генералы, имеющие за собой штыки, пошли бы на уступку, преклонились бы перед решением всеобщего голосования, перед решением парламента? Если рабочие потребуют создать в Германии классовый паек, о котором не позволяет писать германская цензура, если парламент вынесет такое решение, то неужели вы думаете, что буржуазия скажет: мы преклоняемся перед решением парламента, чтобы мы голодали, а рабочие ели; если германский народ решит, что он не хочет платить военные долги своей буржуазии, эти 100

миллионов, которые буржуазия дала на ведение войны, то разве вы считаете возможным, чтобы буржуазия отказалась от 100 миллионов? Так может думать лишь отживший старик, которого пугает тень революции. Он привык сидеть в тихой комнате и писать умные книги, а теперь на сцену истории выходит масса с оружием в руках, жестокая, малограмотная, и она делает философию истории вооруженной рукой, не справляясь в его книгах. Это может думать человек, который застыл в кабинете. Никакой класс не сдает оружия без боя, и до тех пор, пока оружие в руках буржуазии,—а она пользуется сочувствием громадной части населения,—до тех пор только гражданская война решает вопрос хлеба и мира, вопрос фабрик и земли. И поэтому мы убеждены, что германский рабочий класс будет принужден пойти тем же самым путем, что и мы. Этот самый организованный рабочий класс будет принужден сначала разрушить старую машину насилий, разрушить старую армию, старую систему, сломить старую бюрократию, он будет принужден создать советы рабочих, солдатских и батрацких депутатов (апл.), он вырвет из рук буржуазии согласие на эти советы, и эти советы сначала будут орудием борьбы против буржуазии, дабы после, когда окрепнут, сделаться орудием господства германского рабочего класса. Наш старший брат, германский рабочий, имеющий за собой 40-летний исторический опыт, возможно, скорее сумеет наладить государственный аппарат, скорее справиться с разрухой. Это возможно, но и ему придется нести на себе упреки в анархии, в диктатуре, упреки в том, что он не считается с демократической интеллигенцией, что он беспощаден в борьбе, что он этих старых матерых предателей рабочего класса заключит в тюрьму в тот самый день, в который освободит своих лучших вождей,—все это, товарищи, для меня не подлежит никакому сомнению. И передо мною встает вопрос, если это так, если германская и австрийская революция будут принуждены идти через дезорганизацию, через разрушение, если это единственный путь, ведущий к созданию нового, то не будет ли она побеждена американским, английским и французским капиталами? Не ожидает ли германских

рабочих та же самая участь, которая ожидала нас в Бресте? Товарищи, мы от Бреста не погибли, вы видите, что мы дожили до момента, когда само германское правительство заявляет, что Брест—это еще не есть последнее слово истории. Но я не хочу этим утешать ни себя, ни германских рабочих. Надо холодно разобраться в возможностях, которые стоят перед германским рабочим классом. Я лично убежден, что если восстанет германский рабочий класс и возьмет в свои руки власть, то он перекинет те искры пожара, которых мы не сумели перекинуть, ибо были слишком далеко, во Францию и Италию. То, что удерживало массы Франции и Италии в рядах армии, под руководством своих генералов— был ужас перед победителем—германским империализмом, этим закованным в железо победителем. В момент, когда рабочий класс докажет, что он взял власть в свои руки, что он хозяин дома в Германии и восстал для того, чтобы сбросить иго капитализма и не навязывать его народным массам других стран, я убежден, что рабочие Франции восстанут, ибо, не забудьте, что Франция шла всегда в первых рядах международной революции, и рабочие Франции, в душе которых живо воспоминание о парижской коммуне, эти геройские рабочие, которых германский капитал загнал в траншеи, уже в период войны думали о восстании. Восстанут рабочие Италии, имеющие за собой прошлогоднее выступление в Турине, покидающие ныне фронт, высказавшиеся на своем последнем с'езде за большевистскую революцию. Эти рабочие, которые, несмотря на всю травлю капиталистической печати, приветствуют русскую революцию,—восстанут. Но, товарищи, революция в Англии и Америке, может быть, еще не так близка. Быть-может, что там еще капитал сумеет обуздать свои массы, и тогда он бросится на Германию не за тем, чтобы победить кайзера, а чтобы спасти европейский капитализм и уничтожить германскую революцию. Этот момент возможен, мы не хотим скрывать это перед германским рабочим классом, не хотим скрывать перед собой, ибо эта возможность накладывает на задачи России специальное обязательство, о котором рабочий класс России

сказал открыто словами декларации Советского Правительства на заседании Ц. И. К. 3 октября.

Интернациональное положение и наши задачи.

Мы, товарищи, не заключали Брестского мира, Брестский мир был нам навязан под дулом револьвера. Мы, товарищи, были до этого времени жертвами германского империализма. Советская политика во внешней области была политикой отступлений для спасения центральной России, для спасения очага всемирной революции. Нам всем было невыразимо тяжело жить при этой политике. Дело не в оскорблениях, ибо германский империализм не мог оскорблять, но мы, товарищи, чувствовали неслыханное унижение от того, что мы не могли идти на помощь рабочей революции в разгромленной Финляндии, в разгромленной Украине. Мы чувствовали себя связанными, понимали, что бессильны им помочь, и мы думали только о том, чтобы продержаться до момента, когда восстанет наш старший брат, придет за помощью и потребует нашего содействия. Но и в этом положении изолированности русское правительство, на которое плевали патриоты из патриотов, не только из буржуазии, но патриоты из меньшевистского лагеря, знало твердо предел своим уступкам: оно знало, что не согласится сделаться орудием германского империализма, хотя бы за это германский империализм вернул нам Украину, хотя бы в противном случае ему надо было сойти со сцены, уйти в подполье и из подполья организовывать рабочий класс для борьбы с германским и всемирным империализмом. И Советское Правительство не обращалось никогда за помощью к германским штыкам. Оно не уподобилось патриотам из патриотов, как Джордания, Церетелли, Чхенкелли, которые на демократическом совещании говорили такие патриотические речи, что даже крокодилы плакали в реках. Мы не обращались к германским штыкам за помощью. И когда германское правительство заявило, что оно требует от нас, в связи с убийством Мирбаха, чтобы мы допустили германские отряды в Москву,

когда таким образом оно пожелало, чтобы мы разделили участь рады и сделались прикрытием германского капитализма в России,—мы сказали: дальше ни шагу. Германское правительство это поняло. Когда в переговорах по экономическим вопросам германское правительство хотело вмешаться в экономическую жизнь России, мы высказали готовность уплатить ему то, что ему полагается, и никогда не согласились бы на его вмешательство во внутренние русские дела. Мы не шли на союз с германским империализмом, который мог бы нам дать внешние элементы силы. Мы этого не сделали не потому, что мы считали союзнический империализм лучше,— мы знали, что разорвем с ним,— мы знали, что рабочий класс может быть принужден к уступкам, но никак не может сделаться соучастником империалистской разбойничьей политики. Ибо тогда его революция теряет весь смысл, ибо мы, союзники германского империализма, были бы в глазах французских, английских, итальянских рабочих ответственными за злодейства германского империализма. Теперь, когда германский империализм шатается, когда он доживает свой последний день, мы, товарищи, не желаем впасть в другую противоположность. Нам многие подсказывают: используйте положение, бросьтесь на германский империализм; союзники воюют с вами только потому, что считают вас стражами германского империализма. Если вы броситесь на германский империализм, союзники вам помогут, и тогда вы ликвидируете Брестский мир, Россия будет свободна. Но мы понимаем, какие интересы подсказывают эту политику. Это — те же интересы, которые подсказали гороховому шуту революции А. Керенскому наступление 18 июня, в результате которого Гинденбург бросился на русскую революцию, и доверие рабочих масс Германии к русской революции было подорвано. Пусть германские рабочие хоронят своих мертвецов, мы не будем помогать германскому правительству в работе сплачивания бессознательных масс Германии, не дадим ему возможности сказать: посмотрите, снова Советская Россия продалась союзникам. Защищайтесь, ибо революция в России обманула. Она не несет мира, она не несет братство наро-

дов. Мы не будем вытягивать для союзников горячих каштанов из огня. Мы не поможем союзникам убить этого ребенка, — рождающуюся германскую революцию. Наоборот, мы заявляем союзникам, если мы до этого времени боролись против вас для того, чтобы спасти живую русскую революцию, то мы теперь будем бороться с вами в десять раз сильнее для того, чтобы защитить нарождающуюся германскую революцию. Мы заявили союзникам: в том случае, если германский рабочий класс возьмет власть, и они обрушатся на него, мы тогда удесятерим наши усилия и будем в состоянии помогать германским рабочим в их борьбе. Мы благодарим союзников за их ревизию Брестского мира. Вы помните, как союзники кричали о германском насилии? А что означает программа г. Вильсона, пророка Ньюиоркской биржи, пророка, программа которого должна принести пацифизм миру. Ведь, г. Вильсон не спросил польских рабочих, хотят ли они отойти от русских рабочих, и сразу провозгласил независимость Польши, которая должна состоять в том, что разоренной Польше американский капитал даст заем, и эта независимая Польша будет зависеть от Америки. Разве г. Вильсон спрашивает наших тт. латышей, хотят ли они отделиться от Советской России, когда он через министра иностранных дел в Англии г. Бальфура провозглашает независимость Прибалтийского государства? Что же это означает? Очевидно, гг. союзники надеются точно так же решать и судьбы народных масс бывшей царской России и судьбы народных масс будущей Советской Великой России, великой в том смысле, что она будет существовать как союз рабочих всех наций, которые хотят совместно жить и строить свою жизнь, как союз рабочих масс, слишком незначительных для того, чтобы устроить собственный дом, и желающих жить совместно с русским пролетариатом. Германский капитал хотел создать одно могущественное и капиталистическое государство от Гамбурга до Багдада, от Кельна до Двины. Он хотел создать один великий молот германского капитализма, который бил бы по наковальне всего мира. Американский капитал, который представляет такой молот, хочет разбить Европу на мелкие куски, чтобы

легче проглотить, чтобы ее закабалить, и он выдвигает ту же самую ориентацию, каковой была германская. Товарищи, мы не верим союзникам, как не верили германскому империализму, и поэтому мы должны быть готовы к тому, чтобы ликвидировать Брестский мир, не в союзе ни с германским, ни с союзническим капиталом. Один из германских представителей в день поражения спросил меня: „Чего вы будете требовать?“ Я ему ответил: Что вы будете очищать? Он на это сказал: „Значит, вы ждете наших предложений?“ Я ему ответил: Мы ждем того, к чему вы будете принуждены развитием событий. Мы Брестского мира не разрываем. Это не договор, это принуждение насилием, и Брестский мир будет ликвидирован не путем того, что мы будем получать уступку за уступкой, — он будет ликвидирован по мере германского отступления, так как он был результатом германского наступления. Если Германии придется защищаться на Западе и если она будет принуждена взять свои отряды из Украины, где сидит г. Скоропадский, тогда этот ясновельможный гетман с тремя тыс. оборванных русских офицеров не сможет удержать Украину. Этот ясновельможный гетман, по нашим сведениям, уже теперь смотрит одним глазом на германскую комендатуру, где еще сидят германские генералы, и вторым глазом, через бинокль турецкого посла в Киеве, смотрит в Дарданеллы, не пройдут ли туда английские корабли, которые пошлют свой привет восстающей Одессе посредством английского снаряда. В момент, когда уйдут германские штыки, несомненно, это будет при помощи той же самой белой гвардии, в руки которой случайно попали германские штыки, и той же самой Алексеевской армии, которая, благодаря недосмотру германских властей, имела через Ростов хорошее сообщение с Красновым, эти все отряды перейдут на сторону старых богов, в руки контр-революции, на сторону союзников. На это рассчитывает гетман, но мы думаем, что этот расчет сделан без хозяина, он сделан без рабочих Украины, без крестьян Украины, которую ясновельможный гетман победил не руками своих гайдамаков, а германскими штыками. И когда эти штыки начнут уходить, тогда рабочие и крестьяне Украины

начнут пересмотр Брестского договора. Они будут это делать, по всей вероятности, не за столом, не при помощи германских знатоков украинской этнографии, тех германских знатоков, согласно которым находили столько украинцев даже в Москве, в семье кн. Трубецких и др. Брестский мир будет пересмотрен в Киеве, Харькове, Одессе, Полтаве, в деревнях, откуда прогонят всех крыс русского помещичьего класса, которые спасались от нас в Украину.

Товарищи, я не знаю, успеют ли русские капиталисты и русские помещики с'есть все фрукты, которые теперь едят в Крыму, успеет ли эта саранча с'есть виноград, который так нужен для наших больных. Я сомневаюсь в этом, товарищи (апл.). Я надеюсь, что украинские рабочие и крестьяне даже без нашей помощи сумеют достаточно энергично пересмотреть Брестский договор. Мы, понятно, не при чем, ибо вы знаете, что будем соблюдать этот договор, как соблюдали до тех пор, пока существует наш контраген по Брестскому миру. Правительство Скоропадского заявило, что оно Брестского мира не подписывало, оно не обязано его соблюдать, но тогда и мы не обязаны соблюдать и, может-быть, придет момент, в который г. Скоропадский пожалеет о том, что заявил первый, что он не подписывал Брестского договора. Вот таким образом шаг за шагом будет пересматриваться Брестский договор,—он будет ревизоваться отступлением германского империализма, наступлением трудовых масс, которые в оккупированных областях теперь, в момент крушения германского империализма, вероятно, чувствуют то, что чувствуют крестьяне, когда они хватают волка, вырезывающего их скот; ударяя его цепом по голове, приговаривают они: „Вот это тебе за лошадь, которую ты у меня украл, а это за корову, которую ты зарезал, а вот тебе за теленка, которого ты у меня схватил“. Понятно, товарищи, мы, как правительство, не имеем таких чувств, ибо правительства лишь заключают договоры, которые они исполняют, но мы понимаем, что подобные чувства могут жить в народных массах оккупированных областей, и мы думаем, что эти чувства будут очень влиятельным элементом в ревизии дипломатического акта, в устройстве мира

по Брестскому договору. Товарищи, мы заявляем рабочему классу России, что идем на большую борьбу и не потому, что мы видим, будто у германского империализма нога немножко свихнулась, не потому, что мы хотим бросаться в авантюру. Нет, тот, кто укрепился, не бросается в авантюру, в авантюру бросаются люди, которые теряют голову, а опасность потери головы в смысле политическом, если не физическом, угрожает теперь не Советской России, а представителям некогда могущественного класса, носившим головы высоко и часто имевшим на этих головах короны. Мы, товарищи, не бросаемся ни в какие авантюры, но возможны авантюры с другой стороны. То, что мы вам говорим о современном положении, это понимают все, и мы никаких тайн здесь вам не рассказываем. Всякий, кто умеет считать на 5 пальцах, знает, что, когда усилится революция в Европе и когда она будет в опасности, то мы не можем и не будем стоять сложа руки, что нашим долгом будет идти на помощь рабочим других стран, что мы этот долг исполним, беря на себя весь риск, даже риск временного подавления русской революции, и что когда будет решаться вопрос о том, должна ли восторжествовать в Европе рабочая революция, то мы не будем думать только о своем доме. То, что будет делаться над Рейном, над Сеной, это будет нас так же касаться, как то, что делается над Неманом и Днепром. И наши сердца будут биться в такт марша германских и французских рабочих, марша под революционными знаменами. И наш противник это знает, и это его знание может внушить английскому и американскому капиталу мысль о том, чтобы спасти германский империализм, оставить ему достаточно мощи, чтобы двинуть его на нас, а также мысль толкнуть на нас Японию. Мы, товарищи, вступаем в период, который ставит перед нами самые великие задачи, но который одновременно требует от нас много сил и готовности на великое дело. Советское Правительство подписало Брестский мир, несмотря на сильную оппозицию в собственных рядах, несмотря на глубокие сомнения, которые существовали в части его по этому вопросу. Оно доказывало, что ведет политику не авантюры, а, наоборот, холодного подсчета сил, и то, что

заявил Троцкий на последнем заседании Ц. И. К. по поводу этого правительства, которое было за подписание Брестского мира, об этом заявляли уже представители левого крыла партии. И не только мы заявляли об этом товарищам, но об этом говорят даже более честные и откровенные представители чужого лагеря,—наших врагов, в рядах бывших социалистических партий. Но то же самое правительство, которое сумело быть осторожным, когда думало, что не пришло еще время, оно своим заявлением доказало, что сумеет быть правительством, которое ставит на карту европейской революции карту русской революции, ибо они одна с другой связаны навсегда. Мы, товарищи, не можем победить до конца, не можем организовать нашей жизни без победы рабочих в Европе. Наша страна—земледельческая, неслыханно разорена, мы не имеем достаточно опытных техников и достаточно орудий, которые могли бы нам помочь воссоздать наше хозяйство. Рабочие Германии, европейские рабочие, смогут нам помочь завершить наше дело, без них мы не победим, мы можем победить только ими, и нашим долгом будет помочь им победить. Поэтому, товарищи, мы вступаем в самый великий, но самый опасный период русской революции. Перед рабочим классом России встает теперь задача вооружиться и быть наготове. Мы это оружие должны еще создать, товарищи, создать в громадном количестве, мы должны сорганизовать тех, кто будут готовы, и с этим оружием стоять на страже европейской революции, быть готовыми придти им на помощь в момент, когда на один из великих отрядов этой революции набросится империализм. Будет ли это империализм собственной страны, который захочет задавить эту революцию, или империализм чужой страны,—рабочие других стран будут видеть в нас людей, уже сорганизованных, сумевших собрать свои силы. И было бы преступлением перед ними, если бы мы к этому моменту не были готовы. А для этого недостаточно развить во всей глубине и широте нашу агитацию в рабочем классе, недостаточно связать с Советскою властью последнего из рабочих, надо показать всем слабым, которые еще колеблются, бедноте всей страны, что мы теперь сильнее, чем когда-либо,

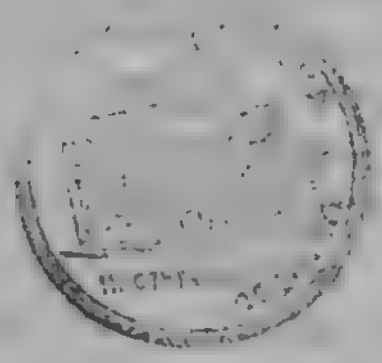
что нас изнутри никто не скинет, что мы несем миру мир, что мы боремся за то, чтобы не было голодных и бедных, что мы не только партия фабрично-рабочих, а хотим переустроить жизнь всей России на новых началах,—началах, при которых будут жить в счастье все трудящиеся и бедняки. Мы должны научиться говорить с последним крестьянином и батраком голосом жизни, а не книг. Мы должны показать им, что они жили до этого времени как рабы капитала, жили в смраде, невежестве и нищете, и что то, за что они борются теперь, не есть счастье собственника, а счастье создания нового строя жизни на обломках старого здания, разрушенного революцией. Товарищи, пришел момент, когда мы должны морально сломить, до последнего остатка, отпор в кругах честной демократической интеллигенции, если еще таковая есть. Меньшевики всегда говорили, что они против диктатуры пролетариата, потому что он без европейской революции не может устроиться по-социалистически, не может создать нового храма человеческой свободы, что эти люди еще спят. Но теперь мы стоим перед европейской революцией, мы теперь на-страже ее и мы должны последнего честного меньшевика, рабочего и интеллигента, поставить перед вопросом совести,— было ли вышесказанное у него только фразой, или это было его верой. Если он не верит в силы рабочего класса, то он должен увидеть теперь, что эта сила велика, что она соединится с мощным потоком движения европейского рабочего класса, и что преступник будет уже не об'ективно, а суб'ективно тот, кто раньше говорил о международной социальной революции, а в данный момент бросает камень под ноги единственного в мире рабочего правительства, которое, хотя оклеветанное этими бывшими социалистическими партиями, сумело все-таки создать рабочую армию, сражающуюся не из-под палки, а геройски и с самоотвержением, и поведет в бой эту армию, этот цвет и детище рабочего класса, уже не только за интересы русского рабочего класса, а за интересы всего международного социализма. Об этой армии говорили бывшие социалисты, что она бежит с поля сражения, а мы о ней говорим, что она родилась в крови рабочего класса на полях сражения

так, как рождались легендарные греческие воители, железные, мощные, беспощадные. И интеллигенты, всю жизнь думавшие о революции, на каторге читавшие книги о революции, молившие бога истории, дабы он им позволил пережить муки каторги и вернуться в ряды рабочего класса, чтобы идти совместно с ним на бой,—теперь они испугались этой революции, о которой мечтали, о которой читали в книгах, когда она пришла, железная, беспощадная, когда она пришла в крови, ибо в крови всегда рождается ребенок. Многие из них—люди, продавшиеся буржуазии, но многие из них честно заблуждались, и теперь рабочие России должны принудить их дать ответ, являются ли они мертвецами пред лицом международной революции, или же они—живые люди, которые ошибались, но которые хотят теперь вступить в ряды борющихся, хотят теперь совместно с русским рабочим классом идти на бой за освобождение всего рабочего класса. Товарищи, в ближайшем времени будут решаться вопросы на многие десятки лет. С одной стороны, встанут капиталисты всего мира. Если они имеют еще каплю рассудка,—а мы должны это предполагать в противнике,—то возможно, что они соединятся, дабы под названием союза народов создать союз капитала против международного рабочего класса, дабы задавить рабочую революцию, разделить мир между властителями международного капиталистического треста, который прикажет рабочим всех стран своим трудом в продолжение десятков лет уплачивать стоимость этой войны и ковать оружие на новую войну. Но, с другой,— будет развиваться фронт международной рабочей революции. Это уже не фраза, это—действительность. Наши бывшие союзники нападают на нас с севера и востока, чтобы задушить русскую революцию. Германия послала войска против своих союзников, против Болгарии, завтра быть может Англия будет душить итальянскую революцию, Германия—революцию в Австрии, и мы, как единственный уже сформированный передовой революционный отряд, должны взять на себя всю тяжесть борьбы, на нас падет задача быть стражем революции в этой новой войне, быть аванпостом на этом новом фронте. И в этот момент мы должны быть тем набатом, о котором говорит

поэт, что он предупреждает об опасности, оплакивает мертвых и призывает к борьбе живых. Русский рабочий класс должен быть этим набатом, он должен звать всех живых не только в России, но и за ее пределами, указывая путь рабочим Германии, Австрии, Франции и Италии, а также тех живых, которые еще остались вне наших рядов в России. Он должен создать моральную атмосферу, в которой будет кончен навсегда тот человек, который теперь называется социалистом и в то же время сражается против рабочего правительства, который не желает стать в шеренгу и идти на бой. Если мы, товарищи, сумеем это сделать, то мы исполним свою задачу. В рабочем классе России есть громадные запасы энергии, и прав наш великий вождь, который велик тем, что у него с холодной головою совмещается горячее, верующее и любящее сердце, прав сто раз Ленин, когда говорит, что рабочие России будут в десять раз более энергично сражаться, когда перед ними встанет задача помочь всемирному пролетариату освободиться. Пусть только рабочие, не смотря направо и налево, исполняют свой долг.

Мы идем к годовщине нашего октября, который ученые люди, знающие все буквы в книгах Маркса, назвали авантюрой на 8 дней. Мы идем к первой годовщине этого октября, мы, которые оказались реалистами, а не они. И мы идем к этой годовщине со знаменами уже не только русской революции, со знаменами уже не только советов рабочих и крестьянских депутатов в России, а со знаменами международной пролетарской революции, со знаменами советов рабочих, солдатских и батрацких депутатов всего мира (бурные аплодисменты), со знаменами революции, которую могут пытаться задушить, задавить, но которая победит. Товарищи, смотря здесь, в России, на наше теперешнее движение, я припоминаю слова одного из германских писателей, который, когда писал об участи германской социал-демократии, цитировал старую готскую легенду: когда древние готы перешли Дунай, дабы идти на штурм Рима, они оставили старых богов у себя дома, и эти боги скорбели, что они оставлены. И вот этот писатель говорил, что когда он смотрит на оппо-

зицию против войны, он думает об этих старых готских богах, плачущих, что они покинуты. Но теперь, товарищи, не старые боги плачут, старые боги умерли, старых богов вешают рабочие на фонарях за то, что они продали рабочий класс. Теперь другое, теперь плакать будут боги буржуазии, когда молодой бог международной революции встанет и сбросит их с Олимпа, как христианство сбросило старых греческих богов с этой великой легендарной горы. Товарищи, в 1914 году говорили: „революция убита", а теперь мы скажем: день 4-го августа, день крушения Интернационала, это день вашей последней победы. Грядет новый день, день 3-го Интернационала, не день фраз, а праздник вооруженного рабочего народа. Он научился в беспощаднейших боях, его не щадили, его кровь лили реками и теперь он выступит с той беспощадностью, какой научили его капиталисты, дабы взять в свои руки все, вырвать с корнем капитализм, устроить новый дом,—дом братства и свободы. Товарищи, германский империализм стоит перед своим крушением, доживает последние свои дни, международный империализм, который собирается занять его место, не сумеет этого сделать. Да здравствует международная рабочая революция! Да здравствует единение международного рабочего класса!



1P.